

Розанов Иван Никанорович

**Русская лирика. От поэзии
безличной к исповеди сердца**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Никанорович Р.**
Русская лирика. От поэзии безличной к исповеди сердца / Розанов Иван Никанорович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 185 с.

ISBN 978-5-519-81014-2

ISBN 978-5-519-81014-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.

Ф. Тютчев.

СУДЬБА ПЛЕЯДЫ

I.

Пушкинская эпоха — золотой век русской поэзии. В то время, по словам И. С. Тургенева, «литературы, в смысле живого проявления одной из общественных сил, находящегося в связи с другими, столь же и более важными проявлениями их — не было, как не было прессы, как не было гласности, как не было личной свободы; а была словесность — и были такие словесных дел мастера, каких мы уже потом не видали». Действительно, никогда не было у нас потом такого бережного, любовного и благоговейного отношения

к слову, как к одному из высших проявлений творческих сил человека.

Позднее литература обогатилась более тонким психологическим анализом, более углубленным отношением к загадкам бытия, более страстными призывами к общественности. Но обработка художественного слова, что должно быть самым основным и существенным для всякого писателя-художника, с тех пор мало продвинулась вперед. Здесь Толстой, Достоевский сделали меньше, чем Гоголь и Лермонтов, не говоря уже о Пушкине. «То был век богатырей» художественного слова. «С тех пор прошло слишком тридцать лет», — писал тот же Тургенев в 1868 г., — но «мы еще не произвели ничего равносильного».

Что называть «Пушкинской эпохой»? В своей книге «Поэты пушкинской поры» Юрий Верховский началом ее признает условно первое поэтическое выступление Пушкина (1814 г.), концом, тоже условно, год его смерти (1837 г.). Практически приблизительной конечной датой берет он 1840 г. Можно было бы еще несколько раздвинуть, и конечной датой великой эпохи считать 1842 г., год появления «Мертвых душ», начатых еще при жизни Пушкина, по его инициативе и с его благословения.

По нашему мнению, пушкинская эпоха делится на два основных периода. В пер-

вый — царит «идеал соразмерностей прекрасных», «вольнoлюбивые мечты» и девиз: «живи и жить давай другим». Время исключительного господства поэзии стихотворной. Во второй период прежняя гармония нарушена. Врываются сатира и протест. Стихи и проза становятся равноправными. Появляется Гоголь, повести Пушкина. Лермонтов количественно больше пишет прозой, чем стихами.

По отношению к центральной фигуре эпохи — Пушкину, первый период был временем расцвета прижизненной пушкинской славы; второй — характеризуется заметным охлаждением к нему и поисками новых кумиров.

Водоразделом этих двух периодов можно считать — условно же — 1830-й год, когда у Пушкина вырывается горькое, но гордое признание:

Поэт, не дорожи любовью народной:
Восторженных похвал пройдет минутный шум...

Первый период — медовый месяц русской поэзии. В это время на литературное поприще выступало исключительно богатое поэтическими дарованиями пушкинское поколение.

Три главных представителя этого поколения: Пушкин, Бороатынский и Тютчев являются величайшими мастерами русского стиха,

во многих отношениях не превзойденными. И тот, кто хочет проникнуть в тайны словесной инструментовки, тайны ритма, гармонии и выразительности, — должен изучать их произведения строчку за строчкой, эпитет за эпитетом.

Но значение этих великих русских поэтов не ограничивается, конечно, достоинствами их стихотворной техники: чем больше проходит времени, тем глубже становится и понимание их поэзии, тем выше оценка их лирического, идейного и философского значения.

Это — вершины, но в этой горной цепи и средний уровень стихотворческой техники необычайно высок. Юр. Верховский склонен признать «подлинность всей тогдашней поэзии — в проявлениях крупных и мелких — одинаково».

«Не пишет ли тогда третьестепенный, незаметный поэт превосходными стихами?» — восклицает он. «Не чувствуете ли вы классической стройности и законченности в самых мелких поэтических безделушках 20-х — 30-х годов?»

Согласно с нашим делением пушкинской эпохи на два периода, нам трудно согласиться с таким суммированием двадцатых и тридцатых годов: сказанное Юр. Верховским можно относить только к двадцатым.

«Пушкинскую плеяду» не следует смешивать ни с «пушкинской школой» ни с «поэтами пушкинской поры».

Майков принадлежал к пушкинской школе, но не к поро и не к плеяде.

Школа — это последователи, эпигоны, ученики. Поэты пушкинской плеяды — не ученики Пушкина, не те, кто, по выражению одного критика, затеплили свои свечечки от пушкинского огня, а его соратники, вместе с ним выступавшие и боровшиеся за те же поэтические достижения. Пушкин только лучший певец из этого хора, но не дирижер. Дарования эти складывались рядом с Пушкиным, находясь в тех же литературных условиях, питаясь теми же влияниями. Влияние самого Пушкина на них несущественно.

Козлов и Полежаев могут быть названы поэтами пушкинской поры, но нам кажется неправильным, хотя это часто делается, относить их к «плеяде». Первый — самый крупный представитель школы Жуковского, второй — непосредственный предтеча Лермонтова. Если пушкинская техника отразилась на их стихах, то то же можно сказать и о Жуковском 30-х годов: проживи Державин еще лет десять, и он, возможно, не избежал бы этого всепроникающего влияния.

Не следует относить к пушкинской плеяде и Дениса Давыдова: некоторые из лучших его

произведений были уже написаны им, когда Пушкину было всего четыре года.

По тем же основаниям, как Козлов, должен быть исключен из плеяды и Федор Глинка ¹⁾).

Из поэтов, остановившихся на полдороге между Жуковским, Батюшковым и Пушкиным, только тех можно относить к пушкинской плеяде, которые ближе к великому поэту по возрасту, напр., Плетнев и Катенин; последнего, впрочем, с оговоркой.

II.

Под пушкинской плеядой, в тесном смысле, надо понимать нескольких поэтов, тесно связанных с Пушкиным не только единством взглядов на задачи поэзии, но и личной дружбой и взаимным уважением.

Сюда относятся, прежде всего, двое остальных из поэтического триумвирата: Дельвиг и Боратынский. Потом Плетнев, приятель их и Пушкина. По смерти Дельвига, Пушкин писал Плетневу: «считаю, сколько осталось: Боратынский, ты и я...» Несколько дальше стоял от них Языков, но его, как крупную

¹⁾ Козлов, Ф. Глинка, Д. Давыдов, Гнедич были рассмотрены нами в книге, посвященной предшественникам Пушкина, «Русская лирика», 1914, изд. «Задачи».

поэтическую силу, охотно признали своим перечисленные нами поэты. Пушкин, как известно, подружился с ним в Тригорском. Сюда же надо причислить и Вяземского, в обращении к которому, уже после смерти Пушкина, Боратынский употребил выражение: «звезда разрозненной Плеяды».

Слово «плеяда» для обозначения поэтов — ближайших друзей Пушкина — было употребительно уже в 30-х годах. Из них ближе всех к великому поэту был, конечно, «брат названный» Дельвиг. В их дружеских отношениях было много нежности, проявившейся, с точки зрения нашего времени, несколько странно. Керн была свидетельницей, как однажды Пушкин и Дельвиг целовали друг другу руки. После смерти Дельвига, самым близким человеком Пушкина в Петербурге стал Плетнев. Оба — и Дельвиг и Плетнев — благоговели перед гением своего друга.

У Боратынского было и некоторое соревнование с великим поэтом. С Вяземским — Пушкин сам любил вступать в состязание, любил, подражая, превзойти; на нем Пушкин пробовал свои силы; из ученика (в молодости он ценил Вяземского, как поэта) легко делался его учителем. Наконец, на Языкова возлагал он в 20-х годах особенные надежды. О нем писал он в 1826 году Вяземскому: «Ты изумишься, как он развернулся и что из него

будет. Если уж завидывать, то вот кому я должен бы завидывать. Аминь, аминь глаголю вам. Он всех нас, стариков, за пояс заткнет».

Только Плетнева никто, ни тем более он сам, воплощенная скромность, не считал крупным поэтом. Но по своим дружеским привязанностям и верности духу плеяды, он был неотделим от Пушкина, Дельвига, Боратынского. Стихи их он не только любил, но и изучал: знал «до малейшего оттенка всякий в них эпитет или другое что».

В этой атмосфере царил культ стиха. Здесь не нужно было доказывать, и так было всем ясно, что тот, кто хочет стихами выразить идею, которую он почему-либо считает ценной, или излить свои добрые чувства, и в то же время неспособен любоваться самым сочетанием слов, упиваться звуками стихотворной речи, — тот напрасно злоупотребляет стихотворной формой.

Из них Вяземский от природы был, может быть, менее наделен музыкальной восприимчивостью, чем остальные, но и он с детства зачитывался прейс-курантами виноторговцев, лаская свой слух благозвучными названиями, вроде *Lacrima-Christi*. Дельвиг же обладал недурным голосом и сам, аккомпанируя себе на рояле, пел свои романсы. «Вдохновенное» чтение стихов Языкова навсегда оставалось в памяти у слушателей.